

ГОСИННИ

САМПЕ

Проделки Малыша Николая

Machaon

Малыш Николая

Рене Госинни

Проделки малыша Николая

«Азбука-Аттикус»

2004

УДК 821.133.1-32-93
ББК 84(4Фра)-44

Госинни Р.

Проделки малыша Николая / Р. Госинни — «Азбука-Аттикус»,
2004 — (Малыш Николая)

ISBN 978-5-389-13732-5

Большой выдумщик и озорник малыш Николая не перестаёт удивлять своими приключениями. Этот симпатичный мальчуган покорила сердца миллионов читателей. Дети с нетерпением ждут очередных историй о нём и его школьных приятелях – историй увлекательных, смешных, трогательных.

УДК 821.133.1-32-93
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-13732-5

© Госинни Р., 2004
© Азбука-Аттикус, 2004

Содержание

Месье Мушабьер присматривает за нами	6
Бабах!	13
Бойкот	17
Зáмок	22
Цирк	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Рене Госинни

Проделки малыша Николя

© 2004 IMAV éditions / Goscinny – Sempé

Художественные образы, сюжеты придуманы Рене Госинни и Жан-Жаком Сампе. Права на товарный знак сохранены за издательством IMAV.

© Левин В. Л., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Machaon®

* * *

Жильберту Госинни

Месье Мушабьер присматривает за нами

Утром, когда мы на перемене спустились во двор, то не успели ещё разбежаться во все стороны, как Бульон, наш воспитатель, сказал:

– Внимание! Все посмотрели мне в глаза! Я должен пойти поработать в кабинете директора. А пока что за вами присмотрит месье Мушабьер. Будьте добры вести себя хорошо, слушайте его и не сведите с ума. Вы меня поняли?

Потом Бульон положил руку на плечо месье Мушабьеру и сказал ему:

– Смелей, малыш Мушабьер!

И он ушёл.

Месье Мушабьер поглядел на нас круглыми глазами и сказал еле слышно:

– Разойтись!

Месье Мушабьер – это новый воспитатель, и мы ещё не успели придумать ему смешное прозвище. Он куда моложе Бульона, этот месье Мушабьер, наверное, сам ещё недавно ходил в школу, и он ещё ни разу не присматривал за нами один всю перемену.

– Во что играем? – спросил я.

– Давайте в самолёты! – сказал Эд.

Никто не знал, что это такое, и Эд объяснил: надо разделить на две команды, «своих» и «чужих», и каждый из нас будет самолётом. Надо расставить руки в стороны, бегать, делать «вррр» и ставить подножки чужим. Если кто-то упал, его самолёт подбит и он вылетает. Мы решили, что это классная игра и что никаких неприятностей из-за неё не будет.

– Ладно, – сказал Эд, – я буду командиром своих, капитаном Уильямом, я такой фильм смотрел, он там сбивал всех врагов, тра-та-та-та, и хохотал, а один раз его тоже подло сбили, но не насмерть, его положили в больницу, как меня, когда мне аппендицит вырезали, и он выздоровел и снова стал сбивать других врагов, и в конце наши победили. Классное кино!

– Я буду Гинемером, – сказал Мексан, – он самый лучший лётчик.

– А я, – сказал Клотер, – буду Мишелем Танги, я про него на уроках читал в журнале «Пилот». Это что-то! У него всегда с самолётом бывает какая-то авария, но он выкручивается, потому что здорово умеет летать. И у него классная форма.

– Мне подойдёт Буффало Билл, – сказал Жоффруа.

– Буффало Билл – не лётчик, а ковбой, дубина! – сказал Эд.

– А что, ковбой не может стать лётчиком? – ответил Жоффруа. – И вообще, повтори, что ты сказал!

– Что я сказал? А что я сказал? – спросил Эд.

– Ну это, что я болван, – ответил Жоффруа.

– А, точно, – сказал Эд. – Ты болван.

И они стали драться. Но тут же подбежал месье Мушабьер и велел обоим встать в угол. Тогда Эд и Жоффруа расставили руки и пошли на наказанных, а сами делали «вррр».

– Я долечу раньше, чем ты, Буффало Билл! – крикнул Эд.
Месье Мушабьер посмотрел на них и почесал себе лоб.

– Послушайте, парни, – сказал я, – если мы будем драться, выйдет как всегда и на игру не останется времени.

– Ты прав, – сказал Жоффруа. – Тогда давайте разделимся на «своих» и «чужих» и начнём играть.

Но, конечно, вышла обычная история: никто не хотел быть «чужим».

– Ну ладно, – сказал Руфюс, – тогда пусть все будут «свои».

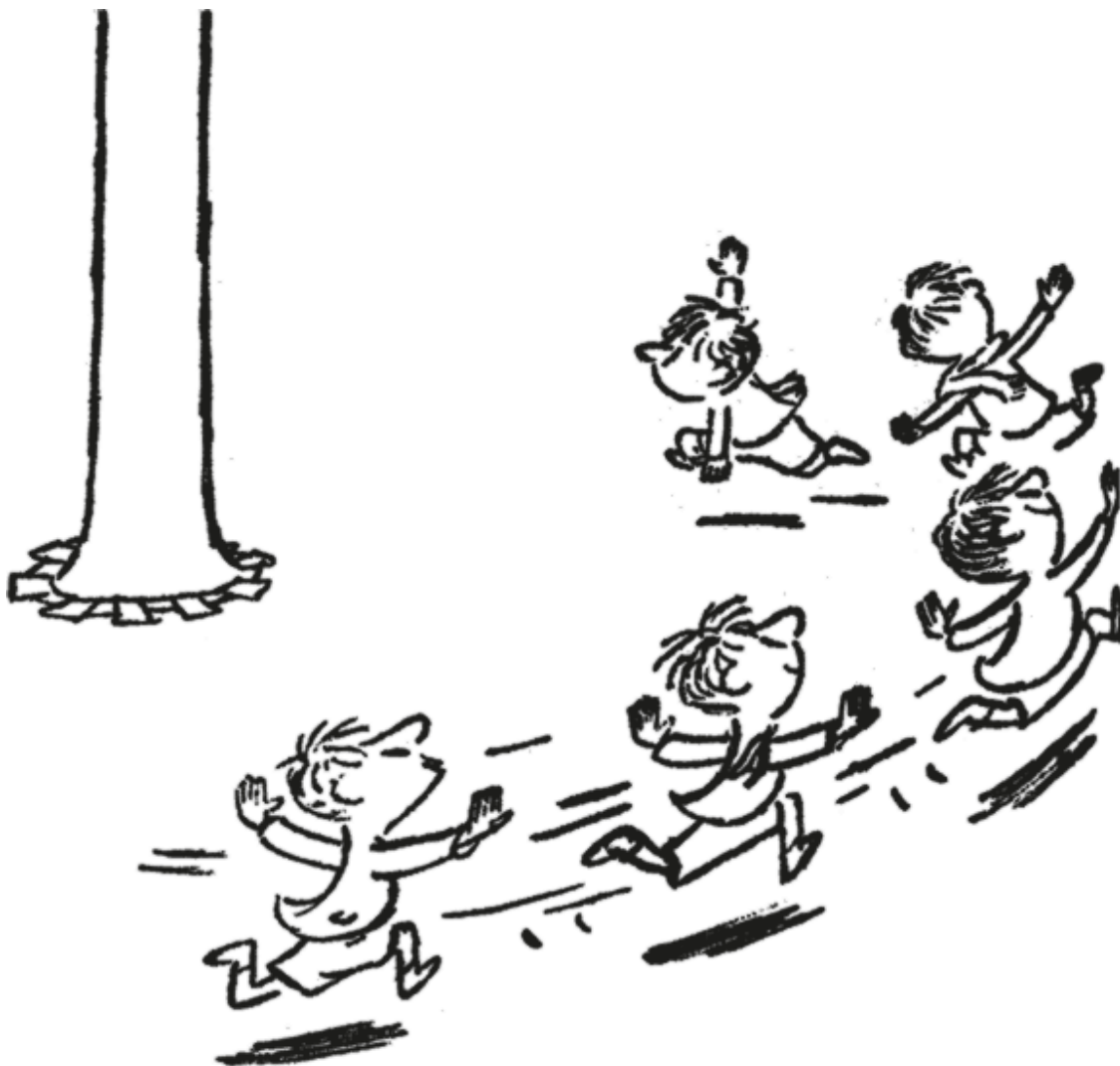
– Да? И свои будут сбивать своих? – спросил Клотер.

– А что! – сказал Мексан. – Есть «свои» и не совсем «свои». Альцест, Николая и Клотер будут не совсем «своими», Руфюс, Жоаким и я – «своими». Ну, полетели!

И Руфюс, Жоаким и Мексан расставили руки в стороны и стали бегать и делать «вррр», только Мексан свистел: он бежит быстрее всех и поэтому сказал, что он реактивный самолёт. Мы с Клотером и Альцестом не были согласны. Ну правда, что такое? Вечно Мексан начинает командовать! Мы стояли на месте, а Мексан, Руфюс и Жоаким вернулись и стали бегать вокруг нас, делая «вррр, вррр».

– Ну чего, парни, – спросил Мексан, – вы летаете или нет?

– Мы не хотим быть не совсем «своими», – сказал я.

– Ну чего вы, ребят, – сказал Руфюс, – перемена сейчас закончится, и из-за вас мы не поиграем.

– Ладно, – сказал Клотер, – давайте играть, только не совсем «свои» будете вы.

– Ты смеёшься? – сказал Мексан.

– Сейчас увидишь, смеюсь я или нет! – крикнул Клотер и бросился за Мексаном, который раскинул руки и убежал свистя.

Тогда Клотер тоже раскинул руки и стал делать «вррр» и «тра-та-та-та», но разве Мексана догонишь, если он реактивный самолёт, потому что у него очень длинные ноги с большими грязными коленками. А потом Руфюс и Жоаким развели руки в стороны и побежали за мной.

– Гинемер вызывает вышку, Гинемер вызывает вышку, – говорил Руфюс, – атакую одного. Вррр!

– Это я Гинемер! – закричал Мексан, пробегая мимо нас и свистя. За ним всё ещё гонялся Клотер, который делал «тра-та-та-та», но никак не мог его догнать.

Альцест стоял в углу двора и крутился на месте – «врум, врум», – вытянув в сторону одну руку, потому что в другой у него был бутерброд с вареньем. Наказанные Эд и Жоффруа с вытянутыми в стороны руками пытались поставить друг другу подножку.

– Ты сбит! – крикнул Клотер Мексану. – Я в тебя сзади попал из пулемёта, тра-та-та-та, и ты должен упасть, как во вчерашнем фильме по телику.

– Ну вот ещё, – сказал Мексан, – ты промахнулся, а я тебя поймаю радарам.

И Мексан на ходу повернулся, чтобы запустить радары, и – бум! – столкнулся с месье Мушабьером.

– Нельзя ли повнимательнее? – сказал месье Мушабьер. – А вы, да-да, все, ну-ка подойдите сюда.

Мы подошли, и месье Мушабьер сказал:

– Я тут за вами какое-то время наблюдаю. Для чего вы так делаете?

– Как мы делаем? – спросил я.

– Так, – ответил месье Мушабьер.

Он развёл руки в стороны, побежал, стал свистеть, делать «вррр» и «тра-та-та-та» и остановился прямо перед Бульоном и директором – они вышли во двор и смотрели на него с удивлённым видом.

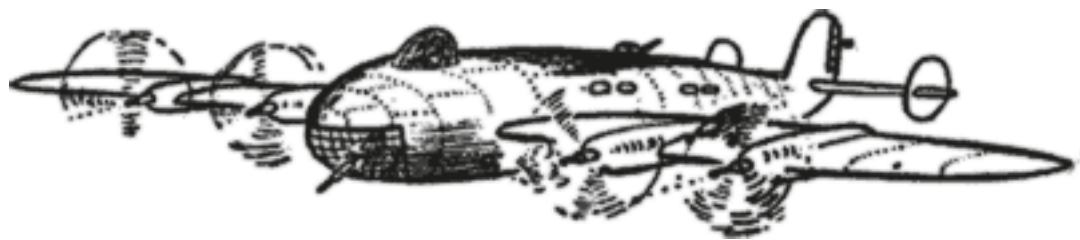
– Я говорил вам, месье директор, что у меня душа не на месте, – сказал Бульон, – он ещё не закалён.

Директор взял месье Мушабьера за одну из вытянутых рук и сказал:

– Приземляйтесь, дорогой мой, нам надо поговорить. Не бойтесь.

На следующей перемене за нами снова присматривал Бульон. Месье Мушабьер отдыхает в санчасти. Жалко, потому что, когда мы стали играть в подводные лодки и поднимать одну руку, как перископ, Бульон всех нас тут же поставил в угол.

А мы даже ещё не начали пускать торпеды!

Бабах!

В четверг мы были наказаны из-за петарды.

Мы спокойно сидели в классе, слушали учительницу, а она рассказывала, что у Сены полно излучин, и только она повернулась к нам спиной, чтобы показать Сене на карте, как – бабах! – взорвалась петарда. Дверь в класс открылась, и мы увидели директора.

– Что тут произошло? – спросил он.

– Кто-то из учеников взорвал петарду, – ответила учительница.

– Так, так, – сказал директор. – Ну что ж, пусть тот, кто сделал это, сознается, а иначе я отменю всему классу свободный четверг.

Директор скрестил руки на груди и стал ждать, но все молчали.

Потом встал Руфюс.

– Месье, – сказал он.

– Да, малыш? – отозвался директор.

– Это Жоффруа, месье, – сказал Руфюс.

– Ты не заболел? – спросил Жоффруа.

– А ты думаешь, я буду терпеть, что меня наказывают из-за твоих петард?! – закричал Руфюс. И они сцепились.

Поднялся страшный шум, потому что все стали ругаться, а директор громко стучал кулаком по учительскому столу и кричал: «Тихо!»

– Раз так, – сказал директор, – и никто не желает сознаваться, в четверг все приходят в школу.

И директор вышел, а Аньян – он ведь учительский любимчик – катался по полу, плакал и кричал, что это нечестно, что он не придёт в четверг, что он пожалуется родителям и перейдёт в другую школу. Самое удивительное – мы так и не узнали, кто же бросил эту петарду.

В четверг после обеда, когда мы пришли в школу, никто особенно не веселился, а Аньян, которого наказали в первый раз, плакал и икал. Во дворе нас поджидал Бульон, наш воспитатель. Его так прозвали потому, что он всё время говорит: «Посмотрите мне в глаза», а в бульоне есть такие жирные кружочки, как глазки. Это старшекласники придумали.

– Построиться в два ряда! – сказал Бульон.

И все пошли за ним.

Когда мы расселись в классе, Бульон сказал:

– Все посмотрели мне в глаза! По вашей вине я вынужден сегодня остаться здесь. И предупреждаю: я не потерплю ни малейшей шалости! Ясно?

Мы ничего не сказали, потому что было ясно: шутить не стоит. Бульон продолжил:

– Вы мне напишите триста раз: «Недопустимо взрывать в классе петарды и не сознаваться в этом».

И тут же мы встали, потому что в класс вошёл директор.

– Ну что, – спросил директор, – как тут наши любители повзрывать?

– Всё в порядке, месье директор, – сказал Бульон, – я велел им триста раз написать то, что вы просили.

– Отлично, отлично, – сказал директор, – никто отсюда не выйдет, пока все слова не будут написаны триста раз. Это будет для вас уроком.

Директор подмигнул Бульону и вышел.

Бульон глубоко вздохнул и поглядел в окно: там светило солнце. Аньян снова заплакал. Бульон рассердился и сказал, что если Аньян не бросит свои штуки, то он ему покажет. Тогда Аньян стал кататься по полу; он кричал, что никто его не любит, и вдруг лицо у него посинело. Бульон выбежал из класса с Аньяном на руках.

Бульона не было довольно долго, и Эд сказал:

– Пойду посмотрю, что там такое.

И они с Жоакимом вышли. Бульон вернулся с Аньяном. Аньян успокоился, только иногда всхлипывал, но без разговоров сел писать фразу.

А потом пришли Эд и Жоаким.

– А, вы уже здесь, – сказал Эд, – а мы вас повсюду искали.

Бульон сделался красным.

– Вот у меня где эта ваша клоунада! – закричал он. – Вы слышали, что сказал директор? Так вот, марш писать фразу, а не то мы тут проведём целую ночь!

– А как же ужин? – спросил Альцест, толстяк, который всё время ест.

– Мне мама не разрешает поздно приходить домой, – сказал я.

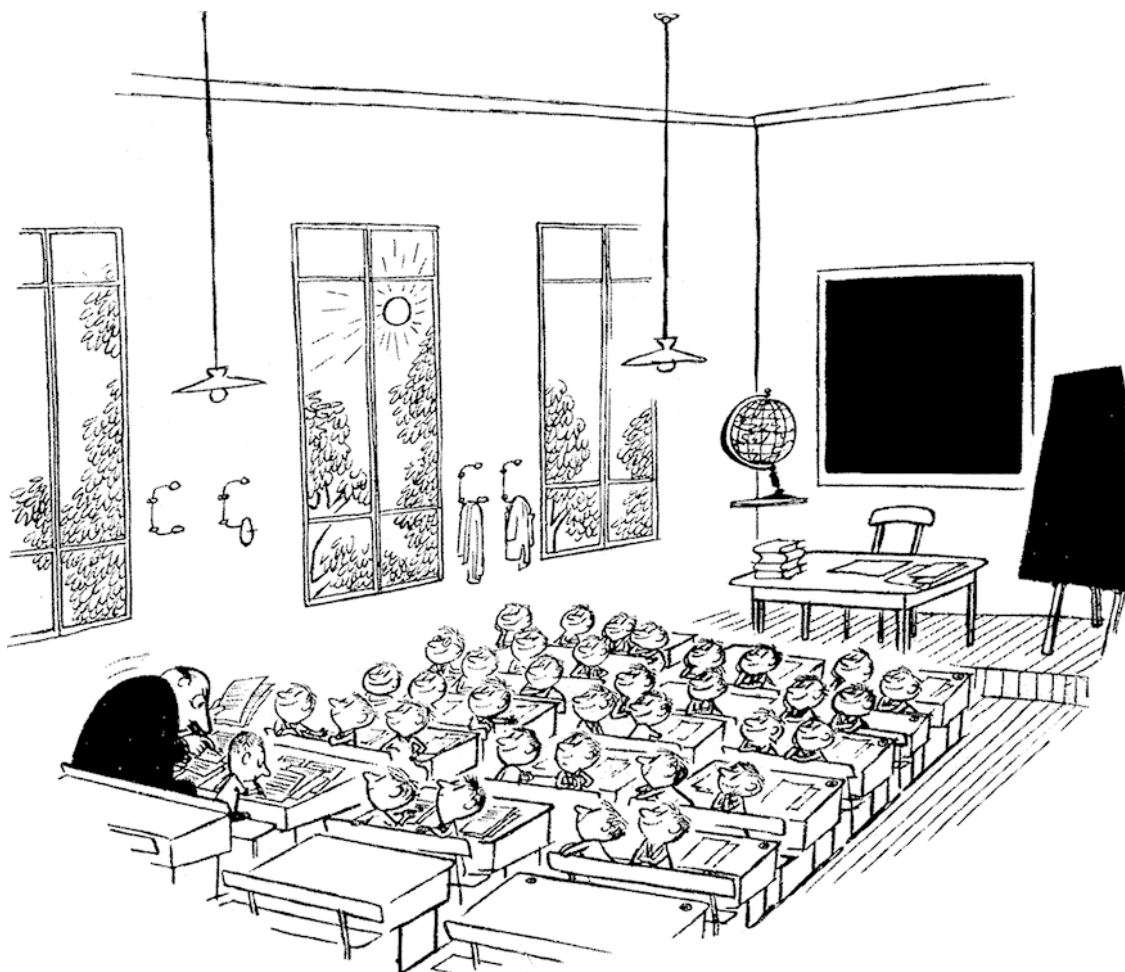
– По-моему, если фразу написать не так много раз, мы закончим быстрее, – предложил Жоаким.

– И слова бы покороче, – сказал Клотер, – потому что я не знаю, как писать «недопустимо».

– Я пишу слитно, – сказал Эд.

А Руфюс засмеялся. Все начали спорить, а Бульон стал стучать кулаком по столу.

– Чем попусту терять время, – закричал он, – лучше пишите быстрее!

Очень он нетерпеливый, наш Бульон; он всё ходил по классу, иногда останавливался у окна и тяжело вздыхал.

– Месье! – позвал Мексан.

– Молчать! Чтобы я вас больше не слышал. Ни слова! Ни звука! – закричал Бульон.

В классе теперь было слышно только, как скрипят по бумаге перья, как вздыхает Бульон и как всхлипывает Анян.

Анян закончил первым и понёс листок Бульону. Бульон был страшно доволен. Он слегка похлопал Аняна по затылку и сказал нам, чтобы мы брали пример со своего товарища. Один за другим мы заканчивали писать и несли листки Бульону. Остался Мексан, но он сидел и не писал.

– Мы все ждём вас, молодой человек! – закричал Бульон. – Почему вы не пишете?

– У меня закончились чернила, – сказал Мексан.

Бульон сделал круглые глаза.

– Почему же вы ничего не сказали? – спросил Бульон.

– Я пытался, месье, – ответил Мексан, – но вы велели мне молчать.

Бульон провёл рукой по своему лицу и велел дать Мексану чернил. Мексан стал старательно писать. У Мексана очень хороший почерк.

– Сколько раз вы уже написали? – спросил Бульон.

– Двадцать три, а сейчас пишу двадцать четвёртый, – ответил Мексан.

Бульон немного поколебался, а потом взял у Мексана листок, сел за стол, вынул свою ручку и стал очень быстро писать, а мы все на него смотрели.

Когда Бульон закончил, он был очень доволен.

– Анян, – сказал он, – сходите скажите директору, что задание выполнено.

Вошёл директор, и Бульон передал ему все листки.

– Превосходно, превосходно! – сказал директор. – Думаю, это послужит вам хорошим уроком. Можете идти по домам.

И в этот момент – бабах! – в классе взорвалась петарда, и нас снова всех наказали на следующий четверг.

Бойкот

Учительница вызвала меня к доске, это был урок географии, и спросила, какой главный город в департаменте Па-де-Кале. Я не знал, а Жоффруа – он сидит за первой партой – прошептал мне «Марсель», и я сказал «Марсель», но это был неправильный ответ, и учительница вlepила мне «ноль».

Когда мы вышли из школы, я схватился за портфель Жоффруа, и ребята сразу нас окружили.

– Зачем ты мне неправильно подсказал? – спросил я Жоффруа.

– Для смеха, – ответил Жоффруа. – У тебя был такой глупый вид, когда учительница ставила тебе «ноль»!

– Нехорошо валять дурака, когда надо подсказывать, – сказал Альцест. – Это почти так же, как украсть у товарища еду.

– Да, это не прикольно, – сказал Жоаким.

– Отвяжитесь! – закричал Жоффруа. – Вы все дураки, а у моего папы денег больше, чем у всех ваших пап, и я вас не боюсь, ясно?! – И Жоффруа ушёл.

Нам это не понравилось.

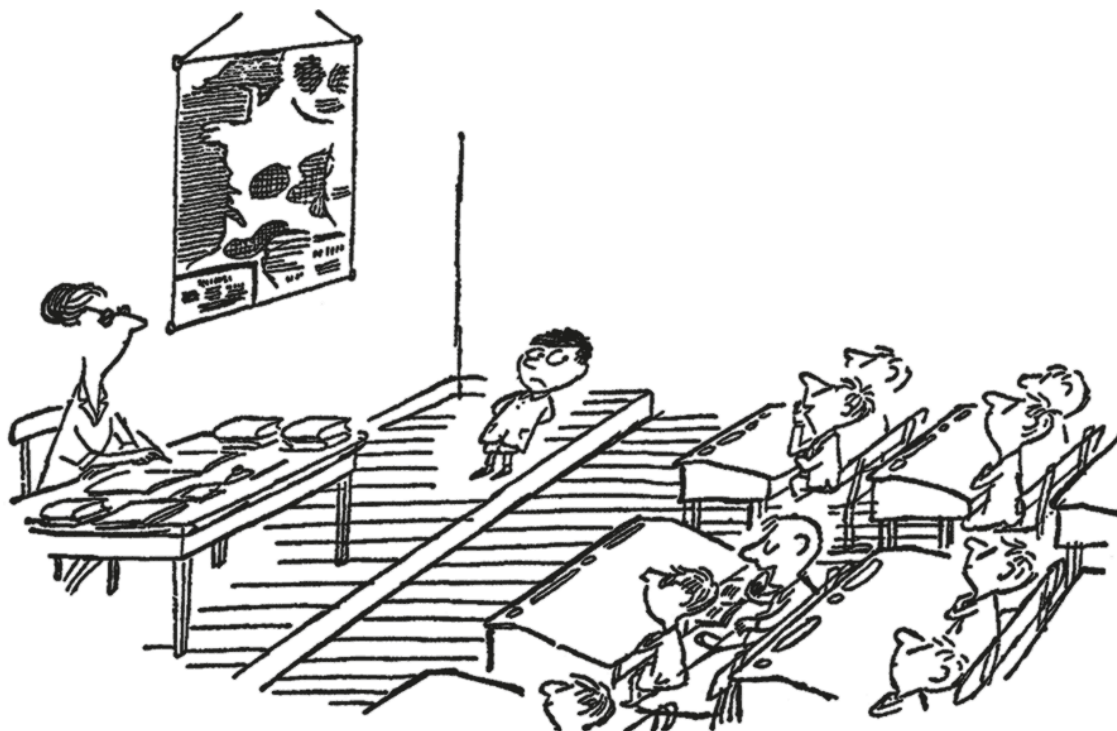
– Что мы ему сделали? – спросил я.

– Вообще он уже достал, – сказал Мексан.

– Точно, – сказал Жоаким, – он один раз у меня выиграл в шары.

– А может, сделаем ему тёмную завтра на перемене? Надаём ему по носу, – предложил

Эд.

– Нет, – сказал я, – Бульон нас накажет.

– У меня идея, – сказал Руфюс, – давайте объявим ему бойкот!

Идея была классная. Не знаю, известно ли вам, что такое бойкот. Это когда все перестают разговаривать с одним из своих, и тогда ему понятно, что на него злятся. С ним не говорят, с ним больше не играют, все делают вид, что его тут нет, и Жоффруа так и надо, будет знать, ну правда! Все согласились, особенно Клотер, который сказал, что если товарищи будут неправильно подсказывать, тогда что – всё учить придётся?

Утром мне очень хотелось побыстрее начать не говорить с Жоффруа. Все уже были во дворе и ждали Жоффруа, и вот он пришёл с пакетом под мышкой.

– Жоффруа, – сказал я ему, – мы тебе объявили бойкот.

– Я думал, с ним больше нельзя говорить, – сказал Клотер.

– Надо же было объявить ему, что мы с ним больше не говорим, – сказал я.

– А на перемене, – сказал Руфюс, – мы тебе не разрешим с нами играть.

– Вот и отлично, – сказал Жоффруа, – я один буду играть в то, что принёс с собой.

– А что это? – спросил Альцест.

– Альцест! – сказал я. – Мы же с ним больше не говорим.

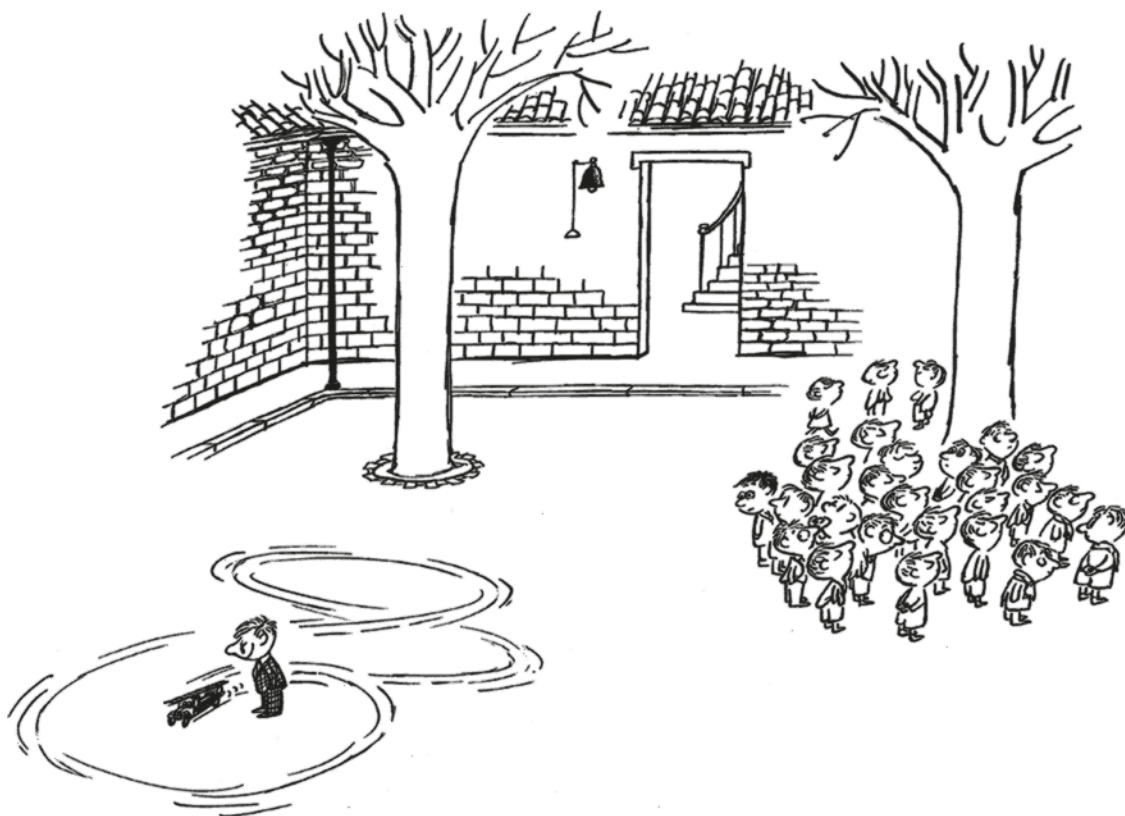
– Если кто с ним заговорит, получит от меня кулаком в нос! – сказал Эд.

– Вот так! – сказал Клотер.

Бойкот начался на уроке. Жоффруа попросил у Эда точилку для карандашей, ту, что в виде самолётика, а Эд даже не взглянул на него, взял свою точилку и стал играть – делал «ррррр» и сажал её на парту. Мы смеялись, а Жоффруа так и надо, хотя учительница наказала Эда и велела ему сто раз написать: «Я не должен играть своей точилкой для карандашей в классе, потому что это мешает мне слушать урок и отвлекает моих товарищей, которые тоже будут наказаны, если не перестанут веселиться».

Потом началась перемена, и мы спустились во двор. Там все принялись бегать, кричать: «Давайте играть!» – и дразнить Жоффруа, который стоял один. У Жоффруа с собой был пакет, он открыл его и достал пожарную машину, она была вся красная, с лестницей и колоколом. Мы носились повсюду, кричали и веселились, потому что с хорошими друзьями всегда весело, а потом Альцест решил посмотреть на машину Жоффруа.

– Альцест, ты чего? – спросил Руфюс.

– Да ничего, – ответил Альцест, – просто смотрю, какая машина у Жоффруа.

– Ты не должен смотреть на машину Жоффруа, мы не знаем никакого Жоффруа!

– Дурак, я же не разговариваю с Жоффруа, – сказал Альцест, – я разглядываю его машину, и не твоё дело, смотрю я на неё или нет.

– Если ты не перестанешь, – сказал Руфюс, – мы тебе тоже объявим бойкот.

– Да ты кто такой? Нет, ты кто такой?! – закричал Альцест.

– Эй, парни, – сказал Руфюс, – Альцесту тоже бойкот!

Я расстроился, потому что Альцест мой друг, и, если с ним нельзя разговаривать, это плохо. А Альцест стоял и разглядывал машину Жоффруа, и жевал один из трёх бутербродиков с маслом, что дают на первой перемене. Клотер подошёл к Альцесту и спросил:

– А колокол на машине настоящий?

– Бойкот Клотеру! – закричал Руфюс.

– Ты что, псих? – спросил Клотер.

– Эй, – сказал Эд, – если Клотеру или, например, мне захотелось поглядеть на машину Жоффруа, ты-то тут при чём?

– Ясно, ясно, – сказал Руфюс. – Кто с ними, тем бойкот. Верно, ребята?

Ребята – это Жоаким, Мексан и я. Мы сказали, что Руфюс прав, а остальные нам не товарищи, и стали играть в жандармов и воров, но втроём это неинтересно. Нас осталось трое, потому что Мексан тоже пошёл смотреть, как Жоффруа играет в свою машину. Она была классная – фары зажигались, как в папиной машине, а если потрогать колокол, он звонил: дзынь, дзынь.

– Николая! – крикнул Руфюс. – Если ты с нами не играешь, тебе тоже бойкот... Ух ты, как она быстро едит!

И Руфюс наклонился, чтобы посмотреть, как машина поворачивает. Жоаким остался один. Он бегал по двору и кричал: «Догоните меня! Догоните меня!» Потом ему надоело одному играть в жандармов и воров, и он тоже подошёл к нам. Мы все столпились вокруг машины Жоффруа, и я подумал, что, наверное, зря мы так на него напали, в конце концов, Жоффруа наш друг.

– Жоффруа, – сказал я, – я тебя прощаю. Бойкоту конец. Тебе можно с нами играть. В общем, дай поиграть с машиной...

– А у меня потом как будто случится пожар, – сказал Альцест.

– А я, – сказал Руфюс, – буду поднимать лестницу...

– Ребята, бегом! – крикнул Эд. – Перемена кончилась!

Ну вот! Так нам и не удалось поиграть в машину Жоффруа, а это нечестно! Вышло, что это Жоффруа нам объявил бойкот!

Замок

В воскресенье ко мне пришли поиграть Клотер и Альцест. Клотер притащил оловянных солдатиков, а Альцест – футбольный мяч, тот, что у него отобрали до конца последнего триместра, и четыре бутерброда с вареньем. Бутерброды Альцест взял для себя, чтобы дотянуть до обеда.

Солнца было полно, и в такую погоду папа разрешил нам играть в саду, но сказал, что он очень устал, что хочет отдохнуть и чтобы мы его не трогали. Он взял свою газету и растянулся в шезлонге перед бегониями.

Я спросил папу, можно ли взять из гаража старые картонные коробки.

– А для чего? – спросил папа.

– Чтобы построить замок и поставить туда солдатиков Клотера, – объяснил я.

– Ладно, – сказал папа. – Только не шумите и не устраивайте кавардак.

Я сходил за коробками, и, пока папа читал свою газету, мы громоздили коробки одну на другую.

– Как-то он не очень, – сказал папа, – этот ваш замок!

– Ну и пусть, – сказал я, – как вышло, так и вышло.

– А как же ворота, бойницы? – спросил папа.

Тогда Альцест сказал что-то с набитым ртом – он доедал второй бутерброд.

– Что-что? – спросил папа.

– Он сказал: из чего тут делать бойницы и ворота? – объяснил Клотер, и Альцест кивнул.

– Интересно, как его понимают, когда тебя нет рядом? – засмеялся папа. – Ну а с бойницами и воротами всё просто. Николая, сбегай к маме, попроси у неё ножницы. Скажи, что это я тебя послал.

Я пошёл в дом, и мама дала мне ножницы, но сказала, чтобы я был осторожнее и не поранился.

– Мама права, – сказал папа, когда я вернулся в сад. – Дай-ка лучше я сам.

Папа встал из шезлонга, взял самую большую коробку и ножницами вырезал ворота и бойницы. Вышло классно.

– Ну вот, – сказал папа, – пожалуй, так лучше, а? А из другой коробки сделаем башни.
И папа стал резать ножницами другую коробку, но вдруг вскрикнул. Он стал сосать палец, но не велел мне звать маму, чтобы она его полечила. Он обернул палец носовым платком и стал резать дальше. Похоже, папе всё это нравилось.

– Николая, – сказал он, – сходи-ка за клеем, он в ящике моего письменного стола.
Я принёс клей, и папа стал сворачивать из картона трубы, склеивать их. И правда получились отличные башни.

– Прекрасно! – сказал папа. – Поставим их в каждом углу... Вот так... Альцест, лучше не трогай руками – они у тебя все в варенье!

Альцест что-то сказал, только я не знаю что, так как Клотер не стал переводить. Правда, папа и так не слушал, потому что старался прочно поставить башни, а это было непросто. Папе было жарко. Лицо у него было всё мокрое.

– Знаете, что надо сделать? – сказал папа. – Давайте вырежем зубцы. Без зубцов не будет настоящего замка.

Папа нарисовал карандашом зубцы и принялся их вырезать, высунув язык. Замок получался что надо!

– Николая, – сказал папа, – найди бумагу в комодке, во втором ящике слева, а заодно захвати цветные карандаши.

Когда я вернулся в сад, папа сидел на земле перед замком и всюю трудился, а Клотер и Альцест валялись в шезлонге и смотрели на него.

– Надо сделать на башнях остроконечные кровли, – объяснил папа, – а из бумаги соорудим донжон. И всё раскрасим цветными карандашами...

– Можно, я начну раскрашивать? – спросил я.

– Нет, – сказал папа. – Лучше я сам. Если вы хотите, чтобы замок был на что-то похож, надо делать его аккуратно. Я скажу, когда мне будет нужна ваша помощь. Да! Найдите мне прямую веточку, она будет флагштоком.

Когда мы дали папе веточку, он вырезал бумажный квадратик, приклеил его к веточке и сказал нам, что это флаг, а потом раскрасил его синим и красным карандашом, оставив посередине белым, как всегда бывает на французском флаге. Вышло очень красиво!

– Альцест спросил, готов ли замок, – сказал Клотер.

– Передай ему, что ещё нет, – ответил папа. – На настоящую работу нужно время. Учитесь трудиться, а не халтурить. И чем мне мешать, лучше бы пригляделись, как я это делаю, чтобы в следующий раз сделать самим.

Тут мама крикнула из дверей:

– Всё готово! За стол!

– Быстрее пошли! – сказал Альцест.

Мы побежали в дом, а папа крикнул, что надо быть внимательнее, что Клотер свалил одну из башен и что невероятно, как можно быть таким неуклюжим.

Когда мы влетели в столовую, мама велела мне сказать папе, чтобы он тоже шёл, но тогда папа попросил предупредить маму, что к чаю он не придёт, потому что очень занят, а придёт позже, когда закончит.

Мама поставила на стол полно вкуснятины, ну там шоколад, бриоши, клубничное варенье, и Альцест был страшно доволен, потому что клубничное варенье он любит больше всякого другого. Пока мы ели, папа несколько раз заходил за иглой с ниткой, за клеем, за чёрными чернилами и маленьким кухонным ножом – ну тем, что отлично режет.

После чая я отвёл ребят к себе в комнату, чтобы показать новые машинки, которые мне купили, и мы устроили гонки от стола до кровати, но тут пришёл папа. Рубашка у него была грязная, на щеке чернильное пятно, два пальца забинтованы, и он рукой вытирал лоб.

– Дети, пошли, замок готов, – сказал он.

– Какой замок? – спросил Клотер.

– Ты что, забыл? – сказал я. – Ну замок!

– А, точно, замок! – сказал Альцест.

И мы пошли за папой, а он говорил, что мы сейчас увидим, какой замечательный получился замок, такого мы ещё не видели, и в него можно будет здорово играть. Когда мы проходили мимо столовой, папа позвал и маму тоже.

И этот замок в самом деле был классный, правда!

Почти как настоящий – такие ставят в витринах магазинов с игрушками. У него был флагшток с флагом, подъёмный мост, совсем как в фильмах про рыцарей по телевизору, а ещё папа поставил за зубцами солдатиков Клотера, как будто они несли службу. Папа был страшно гордый, он обнял за плечи маму. Папа радовался, мама радовалась, потому что радовался папа, а я был рад, что они оба радуются.

– Ну вот, – сказал папа, – думаю, я неплохо поработал, а? Теперь можно и отдохнуть; я посижу в шезлонге, а вы играйте в свой замок.

– Круто! – сказал Клотер. – Альцест, тащи мяч!

– Мяч? – спросил папа.

– В атаку! – крикнул я.

– Бомбардировка начинается! – крикнул Альцест.

Бах! Бах! Бах! Три удара мяча, несколько ударов ногой – и замок был разрушен, а война выиграна!

Цирк

Вот здорово! В четверг мы всем классом идём в цирк! Мы страшно удивились, когда пришёл директор и сказал, что хозяин цирка приглашает на представление один класс и выбрали как раз наш. Обычно, когда собирают весь класс в четверг, это бывает совсем не цирк. Что меня удивило – учительница сделала такое лицо, словно собиралась заплакать. А ведь её тоже позвали в цирк, она должна была нас туда вести.

В четверг, когда мы сели в автобус, чтобы ехать в цирк, учительница сказала, что рассчитывает на наше хорошее поведение. Мы сказали «конечно», потому что любим свою учительницу.

Перед входом в цирк учительница нас пересчитала, и оказалось, что не хватает Альцеста, который пошёл покупать сладкую вату. Когда он вернулся, учительница его наругала.

– А что такое, – сказал Альцест, – надо же мне поесть, а сладкая вата такая вкусная. Хотите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.